

Низами Гянджеви

Искендер-намэ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г99

Г99 **Гянджеви Н.**
Искендер-намэ / Низами Гянджеви – М.: Книга по Требованию, 2023. – 393 с.

ISBN 978-5-519-99596-2

ISBN 978-5-519-99596-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1.

Образ македонского завоевателя, с головокружительной быстротой покорившего чуть ли не весь культурный мир, поставившего себе задачей слить в одно целое Восток и Запад, с древнейших времен вызывал живой интерес у самых различных народов. Уже вскоре после его смерти Клитарх и Онесикрит, близко к нему стоявшие, составили его биографию. По их материалам составил позднее свое жизнеописание Плутарх.

Но биография, хотя бы и трактовавшая своего героя преувеличенно ярко, все же не могла удовлетворить многочисленные круги им интересовавшиеся. Рядом с ней начали складываться и многочисленные легенды, с историческими фактами мало считавшиеся. Можно думать, что первыми создателями и распространителями таких легенд были воины Александра. Во время похода на Восток они распускали среди народов, с которыми им приходилось встречаться, фантастические слухи о своем повелителе.

Не менее живо откликались на эту тему и пострадавшие от Александра носители власти различных стран Востока, особенно Египта и Ирана. Нанесенное им поражение ранило их самолюбие, более того, подрывало те теократические теории, которыми они обосновывали свое «право на власть». Не приходится, поэтому, удивляться, что роман об Александре, противопоставлявший его биографии, первое свое литературное оформление нашел на Востоке. Складываться он начал уже около I века н. э., но разрастаться и пополняться стал особенно в первых десятилетиях IV в., когда императоры Каракалла и Александр Север ввели официальный культ Александра. Приписан роман был врачу завоевателя Каллисфену и долгое время распространялся под его именем. Теперь, когда подлог уже больше не может возбуждать сомнений, он в науке известен обычно под названием Псевдо-Каллисфена.

Египетское происхождение романа совершенно очевидно из его основной тенденции. Александр по нему сын не Македонца Филиппа, а египетского жреца Нектанеба, который, будучи вынужден бежать из Египта, попал в Македонию, сумел своими магическими силами околдовать жену Филиппа Олимпию и добиться с ней союза. Так как Нектанеб не только жрец, но и потомок древних царей Египта, то, следовательно, в жилах Александра — кровь фараонов и он уже не иноземный завоеватель, а человек по праву занявший престол своих предков. Тем самым восстановлена попорченная теократическая теория и успокоено самолюбие бывших властителей.

Роман Псевдо-Каллисфена распадался на десять частей такого содержания: 1. Бегство Нектанеба из Египта и его связь с Олимпией. 2. Рождение Александра. 3. Александр идет в Африку и строит Александрию. 4. Войны Александра в Сирии. 5. Александр едет в качестве посла в лагерь Дария, заключительное столкновение и смерть Дария. 6. Война Александра с Пором. 7. Встречи Александра с брахманами-тимнософистами. 8. Александр и царица Кандаке. 9. Александр в стране Амазонок. 10. Смерть Александра в Вавилоне.

Есть предположение, что в первоначальной восточной редакции романа дел внутренние-македонских, восточному читателю неинтересных не было вовсе. При обработке романа на греческом языке их нашли нужным вставить. Но было два варианта, по одному их ввели уже после боя при Иссосе и так заставили Александра вторично идти из Македонии в Азию; впоследствии их переставили ближе к началу, но самое начало все же оставили без изменений.

Греческий роман лег в основу многочисленных переводов на восточные языки. Был средне-персидский перевод, до нас не дошедший, известны также переводы сирийский, эфиопский и армянский. При этом, однако, нужно иметь в виду, что переводчики по тогдашним обычаям передавали точно только основную линию романа, в деталях же позволяли себе самые различные отступления. Так, в сирийской версии фантастические имена различных народов заменены на имена более реальные и привычные для восточного читателя и вместо европимитов, юксидраков, аэллоподов, бастарнов и т. п. появляются туранцы, аланы, губардебай, армяне, бельсан, алосан, шабронкаи, арабы, азербайджанцы, табаристанцы, пуртанцы, халдеи и др. Другими словами, список обнаруживает явное знакомство переводчика с Закавказьем и южным побережьем Каспия.

Для более широкого круга европейских читателей Псев-

до-Каллисфен сделался доступным благодаря латинскому переводу Юлия Валерия, время составления которого, однако, до сих пор установить не удалось. Для средневековья, страстно любившего читать о похождениях рыцарей в далеких странах, роман представлял огромный интерес. Уже в XII в. возникает ряд стихотворных и прозаических переработок, среди которых можно назвать две французские версии XII в., сделанные на основе латинского извода—Ламберта Турского и Александра из Бернэ. Немецкими стихами в то же время изложил роман монах Лампрехт. Французские версии легли в основу двух английских переработок «Кинг Алисандер» (XIV в.) и «Роман об Александре» (переведен в Шотландии в 1438 г.). Таким образом, к XV в. роман завоевал даже большую территорию, чем его герой, и сделался в полном смысле этого слова международным сюжетом. Хотя с отмиранием рыцарского романа он и должен был отойти на второй план, но еще для XVIII в., рядившего своих героев в античные одежды, отдельные эпизоды были излюбленной темой пышных придворных трагедий, Александр возле умирающего Дария оставался прекрасным сюжетом для художников и гравиров.

2.

Если в Европе роман об Александре привлекал, главным образом, фантастичной экзотикой, то на Востоке, особенно в Иране, интерес к образу македонского завоевателя был вызван совсем иными соображениями. Удар, нанесенный Александром Ирану, был крайне тяжек. Рухнул престол ахеменидов, в пламени пожара погибла сказочная роскошь дворца «царя царей» в иранской столице. В ахеменидском Иране светская власть была тесно сплетена с властью духовной. Поэтому Александр вынужден был для упрочения своего господства принять ряд мер против зороастрийского духовенства. Уничтожены были и священные книги зороастризма, которые во время сасанидской реставрации независимого Ирана удалось восстановить только с большим трудом. Понятно, что зороастрийское духовенство должно было возненавидеть Александра. Поэтому, не приходится удивляться, что все сохранившиеся в этой литературе упоминания об Александре полны жгучей ненависти к нему.

Характерным образцом может служить вступление к одной из любопытнейших средне-персидских книг «Книга Артак Вираза». Эта своеобразная «божественная комедия» сасанидского Ирана повествует о том, как после нашествия Александра религия в Иране пришла в упадок. Нужны были героические усилия, чтобы воскресить ее. Для этого жрецы опоили маги-

ческим напитком праведника Артак Вираз, душа его покинула тело и совершила странствие по загробным мирам. Очнувшись от своего оцепенения, Артак Вираз подробно рассказал обо всем, что видел и дал описание ада и рая, которые ему было дозволено посетить. Тем самым было доказано, что учение зороастризма правильно излагает судьбы души после смерти.

Вот как говорит автор этой книги об Александре:

«А после этого нечестивый злодей Ариман, стремясь поколебать эту веру, подстрекнул нечестивца Искендера Румского, обитавшего в Египте, пойти на Ираншахр с тяжким притеснением, войной и разгромом. Это адское создание, злощастный еретик, нечестивый злодей Искендер Румский, обитавший в Египте, пришел и сжег (все священные книги). И убил он многих дестуров и датоваров и эрпатов и мобедов и хранителей веры и вельмож и мудрецов Ираншахра. Среди всждей и домохозяев Ираншахра посеял он злобу и вражду одного к другому, а сам погиб и низринулся в ад».

Этот отрывок показывает, что в глазах благочестивого зороастрийца Александр не только орудие нечистого духа Аримана, но даже и его творение, т. е. сам своего рода нечистый дух. Автор не может представить себе для него иного обиталища после смерти, кроме ледяной стужи зороастрийского ада.

Даже после падения сасанидов и возникновения халифата те из писавших на арабском языке авторов, которые были связаны с иранской аристократией и выражали в своих книгах идеологию антиарабского движения, т. наз. шуубийи, сохраняют ту же резко отрицательную оценку Александра, очевидно, под давлением традиций средне-персидской литературы. Известный историк X в. Хамза ибн-Хасан ал-Исфахани в своих «Анналах» об Александре говорит так: «и в тех преданиях, которые породили сказители (говорится), что он построил в иранской земле двенадцать городов и назвал их все Александрия... Но нет у (этого) предания почвы, ибо он был разрушителем, не был он созидателем».

Но это голое отрицание всех заслуг Александра, повидимому, не могло удовлетворить высшие круги иранской аристократии. Политические воззрения ее покоились на своеобразной теократической основе: считалось, что законным правителем может быть лишь лицо, обладающее своего рода «божественной благодатью» (фарр), которая в царских родах наследственна. Захват престола Александром практически доказывал всю неосновательность этой теории и, тем самым, подрывал и престиж носителей власти. Нужно было попытаться каким-либо способом включить Александра в число

носителей фарра и так обосновать захват им престола шаханшахов.

Можно думать, что путь к разрешению этой трудности иранской аристократии указал роман Псевдо-Каллисфена, который, как мы видели выше, был переведен и на средне-персидский язык. Если египтяне попытались сделать македонца потомком египетского жреца, то почему бы не возвести его в сан сына иранского шаханшаха. Как была осуществлена переработка в этом смысле Псевдо-Каллисфена при сасанидах, нам пока неизвестно, ибо ни одного связанного с этой темой средне-персидского текста до нас не дошло. Но можно с довольно большой уверенностью полагать, что в «Книгу царей» (Худай-намаг)—официальную хронику сасанидов Александр вошел уже не как ариманово исчадие, а в качестве потомка ахеменидов. Подтверждение этого предположения можно усмотреть в том, что как «Шах-намэ» Фирдоуси, так и те из арабских историков, которые в какой-то степени пользовались сасанидской хроникой, дают рассказ об Александре уже в переработанном виде.

Из дошедших до нас арабских историков наибольший интерес представляет древнейшая версия этой переработки, сохраненная в книге «ал-Ахбар ан-тиваль» Абу-Ханифы ад-Динавери, умершего в 895 г. н. э. Говоря о происхождении Александра, этот историк подчеркивает, что так «полагают иранцы», т. е. явно ссылается на сохранявшуюся еще в его время сасанидскую традицию. По этой версии Филипп Македонский, будучи побежден во время войны Дара сыном Бахмана, т. е. Дарием II, вынужден был кроме дани выдать замуж за победителя еще и свою дочь. Дарий провел с ней брачную ночь, но по причине физического недостатка ее возымел к ней отвращение и отправил ее обратно к отцу. Однако, она успела зачать и по возвращении на родину родила сына—Александра, который, таким образом, оказывается старшим братом Дария III и, следовательно, законным наследником иранского престола.

Рассказ Фирдоуси о рождении Александра отличается от Динавери только мелкими второстепенными деталями и, очевидно, восходит к тому же источнику, которым, судя по его политической направленности, могла быть только «Худай-намаг».

Насколько мы можем судить, раздел «Шах-намэ», посвященный царствованию Искендера—первая попытка стихотворной обработки романа об Александре на ново-персидском языке. Однако, Искендер попадает в поэму Фирдоуси не потому, что поэт особенно интересовался его личностью, а лишь в силу того соображения, что царствование Искенде-

ра—неотъемлемая часть официальной хроники. Фирдоуси уделяет Искендеру не больше места, чем остальным правителям Ирана и никаких особых задач, кроме верной передачи хроники себе не ставит.

История Искендера в его изложении может быть расчленена на следующие разделы: 1. Происхождение Искендера, трактованное, как мы только что видели, в духе традиций иранской аристократии. 2. Разрыв Искендера с Дарием и завоевание Египта. 3. Поход на Иран. Здесь сохранен приезд Искендера под видом посла в лагерь Дария, имевшийся уже у Псевдо-Каллисфена. Следует поражение Дария, вызванное не доблестью войск Искендера, а стихийным бедствием, сделавшим для иранских войск сопротивление невозможным. Вельможи Махиар и Джанусиар убивают Дария, рассчитывая на награду от Искендера. Победа, коронование в Истахре и брак с Роушенек. 4. Искендер и царь Капнауджа Кейд. 5. Война Искендера с Фуром (Пором). 6. Посещение Искендером Ка'бы и поддержка, оказанная им там исмаилитам. 7. Поход Искендера в Андалус и встреча с царицей амазонок Кайдафе (Кандаке). 8. Встреча Искендера с брахманами—гимнософистами. 9. Походы Искендера: Абиссиния, Магриб, Восток, постройка «вала Искендера», преграждающего путь в культурные страны народам Яджудж и Маджудж, Китай. 9. Смерть Искендера в Вавилоне.

Сравнение этого плана с Псевдо-Каллисфеном ясно показывает, что основной базой для Фирдоуси служил какой-то извод именно этого романа.

Все добавления складываются только из иранских традиций в начале и нескольких легенд уже мусульманского происхождения, как поездка к Ка'бе и фантастическая встреча с ангелом Исрафилом в конце повествования.

3.

Таким образом, можно признать, что после установления арабского владычества за разработку романа об Александре, как самостоятельного художественного произведения, взялся впервые лишь Низами.

Когда точно он приступил к работе над этим последним из своих произведений нам неизвестно. Ни в первой, ни во второй части поэмы никаких дат он не приводит. Однако, так как в предисловии к Искендер-намэ (Глава: Обращение к слушателям) он перечисляет все четыре предшествующие поэмы, говоря о них, как об уже законченных, то можно думать, что это предисловие писалось после окончания «Семи Красавиц», т. е. после 31 июля 1197 г.

В конце второй части поэмы (290,8) мы находим такое упоминание:

«До шестидесяти дошел счет моих лет,
Но не изменилась мера положения моего,
Я таков же, каков был в десять лет,
Тот же див искушает меня».

Если принять эти строки буквально, то они должны были быть написаны не ранее 1201 г. и, следовательно, работа над обеими частями поэмы тянулась не менее трех с половиной лет, другими словами, значительно дольше, чем над предшествовавшими поэмами.

Причины этого могут быть различны. С одной стороны, несомненно, здесь имеют значение огромные размеры поэмы, которая, если взять ее обе части вместе, превосходит почти на восемь тысяч строк даже и самую большую поэму Низами «Хосров и Ширин». С другой стороны, не без влияния был, конечно, и возраст поэта, уже не позволявший ему отдавать столько сил работе. Наконец, нужно учитывать и состояние здоровья поэта и то, повидимому, довольно тяжелое материальное положение, в котором он в эти годы находился.

О состоянии здоровья своего Низами говорит так (30):

«Голова от тяжелой ноши отяжелела,
Быстроходный верблюд истомился на узком пути.
Устала рука моя требовать вина (веселья),
Отяжелели ноги, не могут больше вставать.
Тело мое приняло синеватый оттенок,
Роза моя ¹ утратила красный цвет и стала
желтой.

Быстроходный скакун мой начал отставать на
пути,

Голова моя стремится опуститься на ложе».

В конце второй части поэт уже как будто предчувствует близкий конец, говоря:

«Прошлое стало словно ветер в степи,
Да скоро уйдет и сам усталый путник.
Длина и краткость лет и месяцев
Словно веревка, ведро и колодезь.
Если ведро уже не поднимает воды из колодца,
То все одно, длинна ли веревка, или коротка».

О материальной нужде говорят такие строки:

«Все дела отовсюду преградила скорбь,
Нет никого, кто разделил бы горе, нет ни одного
близкого друга».

¹ Лицо.

Поэт говорит, что у него уже нет ни жаркого, ни желе, высохло масло в кувшине и давно он не видел больших хлебных лепешек.

Временами ему кажется, что смерть уже совсем близка:

«Так по временам близко подходит смерть,
Что оставляю я надежды на свою жизнь.
Но снова небрежение ведет войско
И склоняет мою голову на ложе сна».

Положение осложнялось еще и тем, что поэт утратил покровителя, поддержкой которого ранее пользовался, некоего Имада из Хоя; установить, кто такой был этот Имад, пока, к сожалению, не удалось.

В довершение ко всему Ганджу, родину поэта, постигло еще и страшное землетрясение, унесшее в могилу большое количество жертв.

Таким образом, положение, в котором находился поэт, было отнюдь неблагоприятным для творческой работы. Но, помимо всех этих внешних трудностей, мужественно преодолевавшихся больным, одиноким стариком, были еще и другие трудности, коренившиеся в грандиозности последнего замысла Низами.

Поэт прекрасно знал цену своим творениям и почти во всех предисловиях к своим поэмам отмечает в них то, что он считал особым достижением. Но ни к одной поэме он не делал такого большого введения, как к своему последнему творению.

В предисловие введена глава, особо подчеркивающая исключительное значение этой поэмы и ее преимущества перед остальными его произведениями. Он, видимо, опасается, что его читатели не сумеют оценить ее, как должно, мечтает о слушателе, который сможет проникнуть во все ее глубины:

«Раз я обладаю столь драгоценными жемчугами,
Мне нужен и знаток, умеющий ценить их.
Прошу я у судьбы слушателя,
Чтобы рассказать ему тайны учителя».

Он утверждает, что

«Более славного повествования
Не находили еще правдивые люди.
Другие книги, которые ты будешь смотреть сначала,
Не окажутся правильными перед общим мнением народа».

Книга эта—главное дело его жизни:

«Я сказал это и ушел, а повесть осталась,
Не следует читать эту повесть от безделья».

Для облегчения понимания книги поэт вводит особую главу, в которой вкратце излагает все содержание, чего он до тех пор ни в одной из поэм не делал. Наконец даже в самом стиле он считает нужным ввести некоторые изменения:

«Слишком много бродить вокруг изысканных выражений

Заставляет поводья речи повернуть к пусто-
словию.

Однако, если ты поведешь речь без них,

Старые книги не получают новизны.

Старайся соблюдать меру в речах,

Чтобы по аналогии с другими им можно было
поверить».

Другими словами, он решает в некоторой степени упростить свою изысканную манеру изложения, что должно облегчить понимание книги для читателя.

Наконец Низами вводит еще одну любопытную главу, в которой повествует о своей беседе с пророком Хызром, якобы посетившим его и уговорившим взяться за эту новую задачу. Едва ли можно думать, что поэт желал буквального понимания этой главы. В среде склонных к шарлатанству дервишей было довольно обычным приемом ссылаться на Хызра, как на источник различных «откровений» и чудес. Но эту практику Низами глубоко презирал и ненавидел, о чем не раз говорит в своих поэмах. Поэтому, предполагать, что он хочет здесь прикрыться авторитетом Хызра совершенно невозможно. Очевидно, что вся эта глава введена как своего рода аллегория. Хызр здесь выполняет обязанности музы древних греков. Это лишь образ, которым поэт прикрывает свое собственное вдохновение, свой «даймонион». Но тот факт, что этот внутренний голос свой он называет Хызром, т. е. утверждает его связь с непогрешимой истиной, должен показать читателю, что в этой поэме речь пойдет не об игре фантазии, не о забаве для часов досуга, а о вопросах глубочайшего значения.

Сопоставляя все эти замечания поэта, мы невольно должны прийти к выводу, что этой поэмой Низами преследовал какие-то особые цели, казавшиеся ему по своему значению значительно превосходящими все то, что им до того времени было написано.

Каковы были эти цели и почему именно Низами считал эту поэму столь важной мы попытаемся показать далее. Сей-

час же остановимся вкратце еще на некоторых вопросах, связанных с историей возникновения поэмы.

Искендер-намэ состоит из двух довольно сильно отличающихся друг от друга по характеру частей, из которых каждая оформлена как самостоятельная поэма, т. е. снабжена обычными вступительными главами.

Однако, в предисловии к первой части Низами ясно говорит о своем намерении создать своего рода трилогию. Он различает три стороны характера Александра: завоеватель, мудрец и пророк. Каждой из этих сторон он собирается посвятить отдельную книгу:

«Три части я сочинил, каждая—рудник сокровищ,
Над каждой я старался отдельно».

Эти слова как будто говорят о том, что в первоначальном наброске все три части были вполне самостоятельны.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, т. е. известные по каталогам всех крупнейших библиотек мира рукописные экземпляры «Искендер-намэ» всегда содержат только две книги. При этом считать, что поэма не была закончена, или, что третья часть ее до нас не дошла, также невозможно, ибо в сохранившихся книгах история Искендера изложена полностью, включая его смерть и никакого дальнейшего продолжения не допускает.

Поэтому приходится предположить, что Низами в процессе работы изменил свой первоначальный план и вторую и третью часть, т. е. темы—Искендер—мудрец и Искендер—пророк объединил в одну книгу. Чем было вызвано подобное изменение, сейчас сказать было бы трудно. Может быть не без значения тут были и возраст и состояние здоровья поэта. Во всяком случае можно признать, что конструктивно поэма от этого только выиграла, ибо развить философскую часть до размеров целой книги без ущерба для художественной стороны поэмы было бы трудно даже и для Низами.

Некоторая неясность остается и в отношении точного названия поэмы. Несомненно, что обе части вместе были известны под названием «Искендер-намэ». Но уже в XIV в. существовала традиция прилагать каждой части отдельное название. Традиция эта, однако, прочной не была и в обозначениях этих встречаются колебания.

Обычно первая книга называется «Шараф-намэ» (Книга славы), что поκειται на собственных словах поэта:

«От того царственного вина, которое налито в ее
чашу,
Она получила название «Книга славы Хосроев».